

СТРУКТУРА ПОСЛОВИЦЫ: СИСТЕМА ПОЭТИЧЕСКОЙ ОБРАЗНОСТИ КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ СЕТЬ

PROVERB'S STRUCTURE: THE METAPHOR SYSTEM AS SEMANTIC NETWORK

А.С.Малкова terra@nm.ru

Российский Государственный Гуманитарный Университет

В докладе предлагается включить в формальный язык для описания семантической структуры пословиц элементы художественной образности, организованные по принципу семантической сети. Это позволит гибко моделировать семантику пословиц, сохраняя при этом отношение семантического сходства текстов. Предложенные положения обосновываются на примере русских пословиц о 'еде'. Работа выполнена в русле исследований Г.Л. Пермякова и О.М.Фрейденберг.

Структурные исследования всегда имеют целью упорядочить, подвести под общий знаменатель более или менее разнородный материал. В этом их основное назначение. Поэтому от того, на решение каких задач направлено исследование, какие проблемы в предметной области были выделены как первоочередные, зависят методы и, в конечном счете, результат всей работы.

Основными задачами, для решения которых в паремииологии могут привлекаться компьютеры, являются задачи быстрого поиска и автоматического перевода пословиц. Если говорить более подробно, то в первом случае необходимо, чтобы пользователь мог легко найти именно тот материал, который ему нужен; во втором, чтобы хранящиеся в базе данных синонимичные высказывания были каким-то образом помечены как синонимичные.

Крупной теоретической работой, дающей основания для создания соответствующих интеллектуальных компьютерных систем, является труд Г.Л. Пермякова «Пословицы и поговорки народов Востока». В нем было проведено ставшее уже традиционным разделение пословичного текста на два уровня: уровень логической структуры и уровень образного оформления. Логическая структура соотносится с жизненной ситуацией, которую пословица моделирует (ведь в живом бытовании пословичное высказывание не обладает самостоятельностью, оно употребляется всегда в контексте, «к слову»). Но, будучи аналогом бытовой ситуации, паремия располагает собственным набором художественных образов, которые и составляют уровень образного оформления. Два высказывания, таким образом, могут считаться синонимичными, если они иллюстрируют одну и ту же ситуацию, вне зависимости от того, какие образы при этом задействованы. Руководствуясь этой идеей, Пермяков разработал систему классификации пословичных текстов по их логическим схемам.

Однако установив жесткое разделение схема vs. образное оформление, Пермяков развел смысл пословицы и ее выразительные средства по разным полюсам. Между тем, несомненно, что они тесно взаимосвязаны. Нередки случаи, когда один и тот же текст допускает различные прочтения. И это чаще всего происходит, когда актуализируются различные аспекты задействованных в тексте художественных образов (мы можем сказать *из грязи в князи* либо негодуя на нечистоплотного человека, добравшегося до высоких постов, либо в знак одобрения того, кто вырвался из неблагополучного окружения и многого достиг в жизни и т.д.). Пермяков рекомендовал такие пословицы дублировать в разных классах, однако эта мера, будучи скорее вынужденной, вскрывает реальную проблему: многозначность художественных образов, возможность множественной интерпретации одного и того же материала. Система должна быть более гибкой и не зависеть от решения одного специалиста, размещающего тексты по классам. На наш взгляд, решить эту проблему можно, если в язык формального представления семантической структуры пословицы аккуратно вводить элементы художественных образов, допускающие множественность толкования, и не требовать жесткой и однозначно прописанной связи пословица<->логическая схема.

При данном ослаблении естественно встает обратная проблема: поскольку семантика каждого текста будет записываться схемой, допускающей несколько толкований, мы уже не сможем требовать полного совпадения двух схем для установления синонимии высказываний. Необходимо разработать алгоритмы последовательных трансформаций схем, чтобы из двух частично похожих сделать совершенно одинаковые (в том случае, если пословицы действительно говорят об одном и том же). Итак, задача сводится к разработке формального языка, на котором было бы удобно многообразно определять семантическое сходство текстов.

Задача поиска и классификации (если речь идет именно о семантике) во многом созвучна задаче автоматического перевода. Она может быть переформулирована как поиск фрагментов текста, «синонимичных» заданной теме («труд», «глупость», «радушие» и т.п.).

Назначение любого формального языка заключается в том, чтобы выявить наиболее существенный признак и сопоставить реальному многомерному объекту выражение, в котором указана мера данного признака для данного объекта, чтобы оперировать в дальнейшем уже не объектом, а этим выражением. В зависимости от задачи, разные признаки могут выступать как ключевые. Пусть в нашем распоряжении есть вырезанные из картона разноцветные фигуры: круги, квадраты, треугольники. Возможно представить себе задачу, при которой ни форма ни цвет, ни даже размер фигуры не будут иметь значения, а существенным окажется, например, толщина картона (если мы хотим узнать, например, пройдет ли фигура в некоторую прорезь). И именно эта характеристика должна найти отражение в ориентированном на решение этой задачи формальном языке. В паремиологической задаче необходимо, чтобы переход к формальному языку сохранял отношение семантического сходства текстов.

Г.Л.Пермяков на своем материале показал, что пословицы затрагивают в общем-то не слишком большой круг тем, причем в нем явно выделяется ядро из наиболее часто упоминаемых: дружба, труд, род, правда и т.д. Каждая тема выступает не изолированно, а связана множественными связями с другими темами. Вряд ли здесь можно говорить об иерархии. Хотя имеется немало пар, из которых одна, как кажется, выступает подтемой другой, например: «труд» – «ремесло» или «ум» – «ошибка», все же подлинно иерархических связей не так много. Так, «маленький» одновременно соотносится и с темой «молодой», и с темой «слабый», и с темой «незначительный» и т.п., и неизвестно, какая из них главнее. Сложно выделить какой-то определенный критерий, который бы указывал, что одна тема является более общей, а другая более частной. Скорее, можно говорить об уровне опосредованности связи: какие-то связи более тесные, другие более отдаленные.

Любой человек-носитель культуры достаточно успешно решает, об одном и том же пословицы или нет, и относятся ли они к одной теме. Если заложить в машину семантическую сеть, моделирующую систему связей между темами в сознании носителя, и каждую пословицу связывать с узлом (узлами) на этой сети, то смысловые трансформации могут быть интерпретированы как переходы по сети от одного узла к другому.

Покажем на примере, как этот процесс может осуществляться.

Рассмотрим семантическое поле пословиц, в которых говорится о еде: о кормлении, угощении, совместном приеме пищи. Смысловой круг, основывающийся на образах «еды», «поедания» – один из самых древних, из наиболее семантически нагруженных. Его смысловые связи простираются очень далеко, затрагивая понятия, лингвистически (и даже семантически !) очень отдаленно касающиеся еды, такие как «труд», «дружба», «справедливость», «красота». Однако «мифологически» связи эти очень тесны.

В настоящем докладе мы ограничимся лишь двумя небольшими пучками пословиц и покажем, как внешне очень различные тексты можно путем последовательных трансформаций привести к одним основаниям.

Первый пример.

Пословицы *волка ноги кормят, и хочешь жить – умей вертеться* как логически, так и текстуально очень далеки. Тем не менее, говорят они об одном и том же. Покажем, как можно сблизить их схемы.

Вторая пословица утверждает связь между узлами «жизнь» и «движение/активность», и ее можно записать следующим образом:

жизнь = движение. (1)

«Верчение», «кручение» – это «труд». *Кручусь, как белка в колесе*. Значит, можно перефразировать: *хочешь жить – умей трудиться*. После первой трансформации схема будет выглядеть так:

жизнь = труд. (1а)

В высказывании *волка ноги кормят* имеется в виду, что волк кормит сам себя (ср. аналогичное *каждая птица своим носом сыта*). Предварительно запишем: волк кормит волка. Как теперь это суждение расписать по тематическим узлам? В народном сознании существует очень жесткая связь между трудом и едой (*кто не работает, тот не ест; один с сошкой, семеро с ложкой* и др.) Когда говорят, что X кормит Y, это означает (одно из значений), что X работает, а Y ест, например: отец кормит семью. Тогда схема приведенной пословицы будет выглядеть следующим образом:

(волк) труд = (волк) еда. (2)

«Еда» часто выступает метафорой «жизни» (*что пожуешь, то и проживешь, не кони везут – овес везет*, ср. также значения слова «живот»). Поэтому в результате перехода к соответствующему узлу в схеме (2) мы уравниваем обе схемы:

(волк) труд = (волк) жизнь. (2а)

Если грамотно записать схему должен специалист (на этом этапе автоматизировать работу системы очень сложно), то переход по соседним узлам вполне может осуществляться автоматически.

На этом примере можно также продемонстрировать, как будет работать поисковая система. Она будет выдавать приведенные высказывания на запросы по ключевым словам: труд, движение (для пословицы (1)), еда

и волк (2), а также (во вторую очередь) по всем тем словам, которые могут быть близко связаны (быть соседними узлами в сети) с какими-то из вышеперечисленных: жизнь, лень, заслуга, голод, зверь и др.

Второй пример.

Рассмотрим следующий круг пословиц: *один в поле не воин, одна пчела немного меду натаскает и одному и у каши неспоро.*

Первые два высказывания очень похожи. Образы одной пчелы, одного воина (в поле) не случайны. И тот, и другой связаны с представлениями о коллективе – войске, пчелином улье. Поэтому *один* правомерно заменить его отрицанием: НЕ коллектив (воин), НЕ коллектив (пчела) соответственно. Точно так же добыча меда, битва – это лишь модификации видов деятельности, труда для разных актантов. Схемы обеих пословиц могут быть записаны следующим образом:

НЕ коллектив (воин) >< сражение, или (3)

НЕ коллектив (воин) >< труд (воин), (3а)

НЕ коллектив (пчела) >< труд (пчела) (4)

В последнем высказывании (*одному и у каши неспоро*) нет образной апелляции к коллективу, зато усилена вторая часть. Выше уже говорилось о том, что *еда* и *труд* тесно связаны. Еда – это позитивная составляющая труда, награда за него. А труд – напротив, антипод еды, суровая необходимость, с которой приходится мириться, чтобы добыть кусок хлеба. *И у каши* означает: «не только в труде, но и в отдыхе, наслаждении». Характерно, что рядом со словом *каша* стоит слово, употребляемое только по отношению к работе: *неспоро*.

один >< еда/труд. (5)

Таким образом, полученные схемы вновь совпадают.

Один в схеме (5) также может быть заменено на *НЕ коллектив*, и эта замена существенна, поскольку все три пословицы через отрицание утверждают связь между двумя узлами: «труд» и «коллектив».

У нас есть основания полагать, что все пословицы (а пословица есть суждение) так или иначе постулируют связь между различными понятиями. Причем, поскольку первое назначение пословицы – моделировать жизненную ситуацию, не всегда эта связь выступает прямо, через утверждение. Реальная ситуация может быть нарушением общественных норм и соответствующая ей пословица, прямо говоря о превратном (в рамках данной культуры) положении вещей, в действительности порицает его. К таким «анти»-пословицам относятся: *есть брага да пирожки – так есть и дружки; один с сошкой, семеро с ложкой; из грязи в князи* и многие другие.

Формальный язык для описания структуры пословиц пока еще окончательно не отработан, поэтому пока нет возможности говорить о наборе связок и специальных символов, использующихся для записи схем пословиц. Из сказанного выше видно, что, по всей видимости, тремя наиболее существенными из них являются:

НЕ отрицание;

= связь (правильный порядок вещей);

>< нарушение баланса.

Также, вероятно, потребуются связки для обозначения предпочтения >>, << (использующиеся в пословицах *лучше хлеб с водой, чем пирог с бедой; в гостях хорошо, а дома лучше; не красна изба углами, а красна пирогами; худой мир лучше доброй ссоры* и др.), хотя этот тип связок, пусть грубо, но может быть проинтерпретирован через основные отношения.

Таким образом, предложенная методика описания структуры паремий, сочетающая допускающие множественную интерпретацию схемы текстов и механизмы последовательных трансформаций, позволяет мягко и многообразно задавать отношение семантического сходства пословичных текстов и их фрагментов, благодаря чему задачи поиска и автоматического перевода пословиц могут быть содержательно решены.